

**БОЛЬШАЯ КНИГА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ**

Большая КНИГА приключений

Время
волшебства

Замок
Dead Мороза

Праздник
исполнения
желаний

МОСКВА 2014 ЭКСМО

УДК 82-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
В 70

Оформление серии *Дмитрия Сазонова*

Волынская, Илона.
В 70 Большая книга приключений. Время волшебства : повести / Илона Волынская, Кирилл Кащеев, Вера Иванова. — Москва : Эксмо, 2014. — 352 с. — (Большая книга приключений).

ISBN 978-5-699-75639-1

Илона Волынская, Кирилл Кащеев «Замок Dead Мороза»

Представь: твой папа, простой современный миллионер, взял и купил старинный замок в горах. Ваша семья решила встречать там Новый год. Вы приглашаете гостей, садитесь в машины и... отправляетесь навстречу самым невероятным приключениям в своей жизни! Не все обитатели замка обрадуются новым хозяевам, а старые тайны и новые враги ни на минуту не оставят вас в покое. Теперь только от тебя зависит, чем закончится эта зимняя история...

Вера Иванова «Праздник исполнения желаний»

В Деда Мороза верят только первоклашки, все взрослые знают: его не существует. Но под Новый год так хочется чуда! Наверно, именно ощущение праздника заставило Наташу Соломатину написать на листочке три своих самых заветных желания: петь на сцене, встретить настоящую любовь, найти маму. А затем случилось невероятное – желания начали исполняться! Правда, не совсем так, как Наташа себе представляла...

**УДК 82-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-4**

ISBN 978-5-699-75639-1

© Волынская И., 2014
© Кащеев К., 2014
© Иванова В., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Замок Dead Мороза

ГЛАВА 1

В белом-пребелом городе... или Не нагнетай саспишес

Дорога взбиралась все выше, кружа пологими склонами, поросшими густым лесом. Ряды могучих елей с ворохами снега на роскошных лапах ярусами уходили вверх, то приближаясь к дороге так, что ветви царапали крышу мини-вэна, то вновь отдаляясь.

— Надо поторапливаться, — пробормотал отец, с некоторой тревогой вглядываясь в синие тени, расчертившие белизну снега в незаметно подбирающихся сумерках.

— Уже близко, — заторопился брокер. — Тут, за поворотом, деревенька, а от нее еще минут двадцать — и мы на месте! Если захотите, в деревне можно задержаться, поговорить со здешним председателем, или — как его теперь называют — старостой?

— Обязательно! — энергично кивнула мама. — Нам понадобится какая-нибудь крепкая баба в помощь — мы же не можем справляться там одни!

«Мы там вообще не справимся. Хоть одни, хоть в компании, — мрачно подумала Инга. — Без света, без газа, без воды, без тепла... в Новый год! Офигеть можно!»

Ее красавицы одноклассницы в лицее, дочери маминых подружек, и так смотрят сверху вниз, а после этого Нового года и вовсе жизни не станет. Конечно, одна из них умотала с родителями на Тенерифе — встречать Новый год в тепле, вторая — в Альпы, кататься на лыжах. Кое-кто отправился в Париж... И только она, Инга, тащится в эту богом забытую дыру!

Дорога свернула. Инга чуть приспустила стекло — в щель ворвался поток сладкого морозного воздуха. Вдалеке мерно и монотонно лаяла собака.

— Вот и деревня, — радостно сказал брокер.

Из-за следующего поворота на них надвигалась засыпанная снегом темная масса, в которой при некотором усилии можно было угадать почти утонувший в гигантском сугробе дом. За первым домом появился второй, мини-вэн медленно выехал на неширокую улочку, образованную такими же приземистыми, будто каждый сверху лопатой прихлопнули, домами. Отец остановил машину на середине улицы и покрутил головой в ожидании, что к ним кто-нибудь выйдет.

Вокруг была невозмутимая, неподвижная белизна. Дома растворялись на фоне таких же заснеженных гор.

Отец повернул ключ в замке зажигания. Ворчание мотора смолкло, и поверх неподвижности и белизны обрушилась еще и тишина. Казалось, их накрыло стеклянной колбой, сквозь прозрачные стенки которой не долетает ни единого звука.

— Ничего не понимаю! — гневно буркнул отец и вдавил ладонью клаксон. Долгий сигнал разорвал тишь, гулко отразился от снега, прокатился по деревне и растворился в безмолвии.

— В белом-пребелом городе, на белой-пребелой улице стоял белый-пребелый дом... — пробормотала Инга, сама не зная — шутит она, или...

— Это есть мертвый деревня? — вертя головой, как сойка, и восторженно тараща глаза, с любопытством поинтересовалась фройляйн Амалия. — Я читать такое в Германия перед наш отъезд! Я тебе рассказывать, Гюнтер! — Старший брат Амалии, сорокалетний толстяк Гюнтер, кивнул, продолжая полоскать вислые усы в бокале с коньяком из мини-бара. — Только не совсем понимать... — продолжала Амалия. — Жители мертвый деревня умирать сами по себе или их кто-то специально всех убивают?

— Их олигархи на охотах отстреливают, — не выдержала Инга. Немка со своим дурацким энтузиазмом ее еще от аэропорта достала! — Собираются компаниями, находят деревеньку в каком-нибудь медвежьем углу и давай по жителям палить! Специальное развлечение для богатых!

— А медведи? — глаза фройляйн стали еще больше.

— Какие медведи? — опешила Инга.

— Nun, это же есть их угол! Медвежий!

— А медведей олигархи не стреляют — те, в отличие от жителей деревни, занесены в Красную книгу! — рывкнула Инга. — Или, вы думаете, наши олигархи законов не соблюдают? — она с негодованием уставилась на Амалию.

— Что за глупые шутки, Инга! — возмущенно вскинулась мама. — При чем тут законы и олигархи?

— Действительно — при чем? — пробормотала слегка растерявшаяся Инга.

— Мертвыми, фройляйн Амалия, на самом деле называются деревни, брошенные жителями. Работы там нет, или еще что... — укоризненно покосившись

на Ингу, пробормотал брокер Пал Иваныч, нервно оглядывая выбеленные снегом дома. Казалось, те сдвигаются все ближе к неожиданным пришельцам, пляясь на них неподвижными, как глаза дохлой рыбы, темными пятнами слепых окон. — Только эта деревня совсем не мертвая. — Пал Иваныч еще раз вслушался в тишину и торопливо уточнил: — Не была мертвой. Я сюда осенью приезжал — все были на месте! Здесь вот староста жил, — он указал на ближайший дом. У калитки висела табличка: улица Центральная, дом 7.

— Название не оригинальное, но верное, — хмыкнул отец, оглядывая сквозь лобовое стекло единственную улицу. — Ладно, поглядим, есть ли в этой мертвой деревне кто живой, — сказал он и взялся за ручку двери.

— Не выходи! — Инга невольно подскочила на заднем сиденье, вцепляясь отцу в плечо.

— Глупости! — отец раздраженно высвободился и, подхватив со спинки зимнюю куртку, выбрался наружу.

Входная дверь ближайшего дома была до половины завалена снегом. У соседнего — тоже. И у следующего. И ни одного огонька. На всю деревню.

Только фары второго мини-вэна, в котором их шофер Витя вез компаньонов отца — дядю Игоря и тетю Олю, его жену, да еще ехал охранник, — немного рассеивали сгущающиеся сумерки.

— Черт! — сдавленно выругался отец, провалившись по колено в снег. Он двинулся к ближайшему дому через сугробы.

Инга рывком открыла дверцу и вышла за ним. После тепла салона от ледяного воздуха перехватило дыхание.

— Папа, стой! Да папа же!

Отец толкнул калитку и шагнул во двор.

Инга успела увидеть только проблеск ярко-рыжей шерсти и исходящую слюной и утробным ревом клыкастую пасть. Отец вскинул руку, защищая горло. Желтые клыки сомкнулись на толстом рукаве куртки. Тварь опрокинула отца в снег и навалилась сверху, страшно, нутряно взревывая. Ее когтистые лапы драли куртку на груди отца.

Из машины несясь истошный визг мамы.

— Бабах-бабах-бабах! — грохот выстрелов расколол морозный воздух на тысячу ледяных осколков.

Три пули, одна за другой, со свистом зарылись в снег у самой головы отца. Ошалевшая Инга обернулась. У машины, широко расставив ноги и держа пистолет на вытянутых руках, стоял отцовский охранник. Черное дуло пистолета рыскало, выцеливая зверя...

— Бабах! — пистолет снова плюнул огнем...

Инге казалось, что пуля летит долго, совсем как в кино, и с хрустом входит в тело отца.

Зверь прыгнул, будто подброшенный пружиной. Метнулся в сторону. На мгновение замер, глядя на людей красными, полными люти глазами, и одним прыжком скрылся за домами.

— Das ist Hund!¹ — закричал из машины Гюнтер.

Инга ввалилась в калитку и побежала к отцу, понимая, что это все-все-все, это конец...

Отец тяжело пошевелился и сел в снегу.

— Собака, — хрипло подтвердил он.

— С тобой все в порядке, дорогой? — прозвенел из машины обеспокоенный мамин голосок.

Отец успокаивающе махнул, сгреб в горсть снег и вытер красное лицо, поднял руку, разглядывая изо-

¹ Это собака! (нем.)

дранный клыками рукав. На самом краю совалась аккуратная сквозная дыра с обожженными краями.

— Ты меня убить собирался? — поинтересовался он у охранника.

— Так это... — охранник шмыгнул носом, пряча пистолет за отворот пиджака. — Смотрю, вас едят... Вот я и...

— Подавятся. А тебя, мазилу, уволю к... — он покопился на дочь, — уволю, — словно ни в чем не бывало оглядываясь по сторонам, заключил отец. — Куда ж местные подевались? — Кажется, он только сейчас увидел наметенный у дверей снеговой завал. — Витек, неси лопату! — скомандовал он шоферу. — Разберемся! — и направился ко входу в дом.

— Не надо! — снова крикнула Инга — так же бесполезно и бесполезно, как и раньше. Отец словно не слышал ее.

Шофер быстрыми уверенными движениями прокапался к двери...

— Правда, Димка, может, не стоит? — Из второй машины выглянул дядя Игорь. — Что-то тут не то...

— Вот и надо разобраться, — усмехнулся отец. — Все-таки наша теперь территория.

Он распахнул дверь и скрылся в доме. Инга стиснула зубы и пошла за ним.

Крашенные доски пола резко скрипели под ногами. Ровненько, будто только что расстеленные, лежали цветные домотканые половики. Составленное из пестрых кусочков одеяло на солидной деревянной кровати сбилась, будто обитатель этого дома лишь только что выбрался из теплой постели. В кухонной мойке небрежно свалены пара щербатых тарелок и закопченная сковорода.

— Никого, — отец приподнял и снова поставил на стол белую с красным ободком фаянсовую кружку. На дне плескался недопитый чай. Инга не удивилась бы, если бы он оказался еще теплым.

— «Мария Селеста»¹, — прошептала девочка, оставаясь посреди этой вроде бы всего несколько минут назад покинутой комнаты.

— Не нагнетай саспишес², и так перебор, — резко ответил отец, впервые показав, что он ее все-таки слышит. — А в других домах? — спросил он у шофера, направляясь обратно во двор.

Витя перескочил через низенький заборчик и, подсунув лезвие лопаты, отжал ставню в соседнем доме.

Инга пошла к машине. Хоть бы у них хватило ума не проверять все дома — и так ведь ясно, что деревня пуста!

Дверца мини-вэна распахнулась, и наружу выбралась Амалия. Пухлощекая физиономия фройляйн светила энтузиазмом. Немка глубоко вдохнула и восторженно зажмурилась.

— Ах, как хорошо! — Она подставила ладонь в перчатку вязаной перчатке под неспешно планирующие с темнеющего неба крупные, будто мултышные, снежинки. — Гюнтер, хватит сидеть машина, выходить свежий воздух!

— Danke, я есть вполне хорошо тут, — пробурчал с заднего сиденья Гюнтер, подливая себе коньяку.

Амалия скорчила досадливую гримаску.

¹ «Мария Селеста» — судно, экипаж которого исчез по невыясненной причине, оставив полностью целое и неповрежденное судно. Опустевший корабль был найден 4 декабря 1872 года в 400 милях от Гибралтара.

² Подозрение (*англ.*) — в фильмах ужасов художественный прием, означающий нагнетание у зрителя недоброго предчувствия.

— Ты есть schlaff! — фыркнула она. — Инга, иди смотреть, что здесь есть!

Меньше всего Инге хотелось шастать по загадочно опустевшей деревне. Но Амалия, не дожидаясь ее согласия, уже шла по улице. Ее куртка ярким пятном выделялась на фоне снежной белизны.

И тут она вдруг замерла, словно ее схватили за ноги. Дернулась, будто пытаясь освободиться. И исчезла, точно заснеженная дорога втянула ее в себя. Инга остановившимся взором глядела на белое полотно — оно было совершенно пустым.

Девочка закричала.

— Чего вопите, Инга Дмитриевна? — поинтересовался мрачный охранник.

— Там... Там... — дрожащим пальцем Инга указала на цепочку следов, обрывающуюся посреди дороги. — Амалия... Пропала...

Охранник скептически хмыкнул и, переваливаясь в снегу, двинулся к месту исчезновения немки. Остановился... Снег будто взорвался, и из него высунулась рука! Вцепилась охраннику в ботинок...

Из снежных глубин вынырнула красная физиономия немки.

— Wie entsetzlich!¹ — отирая лицо и отплевываясь набившимся в рот снегом, прохрипела Амалия. Ухватившись за протянутую руку охранника, она с трудом выбралась на край здоровенной ямы, прятавшейся под покровом снега. — Я слышать, что у вас очень плохие дороги, но даже не представлять себе — яма посреди улица!

Инга тихонько попятилась, вернулась и побежала к машине. Все, в салон и не вылезать оттуда!

¹ Какой ужас! (нем.)

Чей-то плотный, как прижатая к лицу подушка, взгляд уперся в нее. Инга вскинула голову. Прямо над их машиной на крытой потемневшим шифером крыше стоял старый китаец в теплом зимнем халате с вышитыми драконами. Заплетенные в две коротенькие косицы седые волосы свисали вдоль желтого морщинистого, как засохшее яблоко, лица. Щелочки глаз буравили Ингу, в руках китаец держал маленький округлый лук. Наложенная на тетиву тонкая стрелка целила точно ей в переносицу.

— Ой! — отчаянно выдохнула девчонка, зажмуриваясь.

— Что, деточка? — раздался сзади спокойный мамин голос.

— Прячься! Скорее! — Инга стремительно развернулась к выглядывающей из машины маме и толкнула ее обратно в салон.

— Опять собака? — ужаснулась мама.

— Нет! Китаец! С луком! — выкрикнула Инга.

— Пусть Витя скажет ему, что нам не нужен его лук, мы ничего не покупаем.

— У него лук, из которого стреляют! — выдохнула Инга, крутанувшись на месте и чувствуя себя живой мишенью.

На крыше никого не было.

К машине вернулся отец.

— Ни единой души! — он покачал головой и, запрокинув голову, с тревогой взгляделся в затянувшие небо тучи. Снег, сперва падавший медленно и торжественно, усилился, засыпая деревню частой россыпью. Отец распахнул дверь. — Приедем, разберемся!

— Ты... все еще хочешь ехать в замок? — неуверенно переспросила Инга.

— Куда же еще? — рявкнул отец. — Мы вроде туда собирались!